

МИСТИКА РЕЙНЕРА МАРИИ РИЛЬКЕ.

(Окончаніе)

III

Основное религіозное настроеніе, проникающее «Stundenbuch» — это первое откровеніе, пережитое и выраженное Рильке въ юности — есть настроеніе отрѣшенности. Объ этомъ свидѣтельствуесть уже обозначеніе содержанія этой книги, которая въ своихъ трехъ частяхъ говоритъ «о монашеской жизни, о странничествѣ, о бѣдности и смерти». Отношеніе поэта къ Богу и міру, а потому и сознаваемое имъ отношеніе между Богомъ и міромъ совершенно дуалистично: то, что здѣсь доминируетъ, есть глубочайшее различіе, разрывъ между тѣмъ и другимъ. Кто вѣдаетъ Бога, тотъ знаетъ нѣчто «не отъ міра сего» и самъ неизбѣжно уходитъ отъ міра сего. Міръ — царство дневного свѣта, царство времени, шума и суеты, «страна, которую люди зовутъ жизнью», есть прежде всего нѣчто, противоположное Богу, какъ царству ночи, вѣчности, тьмы и тишины. Глубины духа, въ которыхъ человѣкъ встрѣчается съ Богомъ, ищутъ замкнуться отъ шума чувственнаго міра, отъ всего случайнаго и внѣшняго, отъ «смѣха сосѣдей», и человѣкъ только потому не можетъ «продумать Бога до конца» и прочно владѣть имъ, что не можетъ всецѣло отрѣшиться отъ связи съ чувственнымъ міромъ. Душа поэта не ищетъ «безбрежнаго полета» и давно уже слишкомъ много знаетъ о мірахъ»; она хочетъ неподвижно стоять передъ

темнымъ ликомъ Божиимъ, передъ его «сѣдыми бровями». «Когда я, шатаюсь, наклонялся ко времени, Ты тихо выпрямилъ меня, и послѣ легкой борьбы, я отдался Тебѣ; теперь Твоя тьма освѣняетъ во мнѣ Твою нѣжную побѣду». «Кто впервые узрѣлъ Тебя, тому сосѣди и часы — помѣха. Онъ идетъ, склонившись къ Твоимъ слѣдамъ, какъ бы обремененный и согбенный годами». «Это есть смиреніе: взоры, склоняемые въ тихомъ пониманіи Тебя; такъ молодые поэты бродятъ вечеромъ въ отдаленныхъ аллеяхъ, такъ крестьяне стоятъ вокругъ тѣла умершаго ребенка. Здѣсь всегда совершается одно и то же: имъ открывается величайшее».

Но уже въ «Stundenbuch» поэту знакомо и другое религіозное состояніе. Человѣкъ, узрѣвшій Бога и сначала чуждающійся міра, — въ силу этого узрѣнія, «позднѣе приближается къ природѣ и чувствуетъ вѣтры и дали; онъ слышитъ, какъ нивы шепчутъ о Тебѣ, онъ видитъ звѣзды, воспѣвающія Тебя, и нигдѣ уже онъ не можетъ потерять Тебя, и все на свѣтѣ есть для него лишь Твой плащъ». То, что предвосхищено въ этомъ намекѣ, «Stundenbuch» — этотъ другой ликъ Божества, уже не противостоящій творенію, какъ потусторонняя тьма и тишина вѣчности, а насквозь пронизывающій и просвѣтляющій все твореніе, открылся сполна Рильке послѣ долгой творческой жизни, втеченіе которой ликъ этотъ постепенно созрѣвалъ въ душѣ поэта. Изображенію *этого* лика Божества, этого новаго откровенія, испытаннаго поэтомъ, посвящены послѣднія, самыя зрѣлыя его книги, написанныя незадолго до смерти — «Дунайскія элегіи» и въ особенности «Сонеты къ Орфею». И здѣсь, въ этой новой стадіи религіознаго сознанія Рильке, мы встрѣчаемъ опять замѣчательное сочетаніе совершенной новизны, неповторимаго индивидуальнаго своеобразія религіознаго опыта съ воспроиз-

веденіємъ древнихъ и вѣчныхъ всеобщихъ началъ. Трудно и едва ли возможно передать во всей конкретной полнотѣ содержаніе этой религіозной интуиціи въ отвлеченныхъ философскихъ понятіяхъ; оно находитъ адекватное выраженіе себѣ именно только въ томъ утонченномъ поэтическомъ мастерствѣ слова, которымъ въ совершенствѣ владѣлъ Рильке; форма и содержаніе здѣсь такъ неразрывно связаны между собой, образуютъ такое органическое единство, что вполне адекватно понять религіозный опытъ поэта можно лишь, внимая его собственнымъ словамъ и вживаясь въ ихъ ритмъ. И все же, сквозь эту неповторимо-индивидуальную, почти до изысканности утонченную форму просвѣчиваетъ содержаніе въ извѣстномъ смыслѣ простое, ясное и духовно-трезвое. Въ немъ нѣтъ никакой романтической туманности, ничего нарочитаго и искусственно-напряженнаго. И кратко можно сказать, что современный нѣмецкій поэтъ говоритъ намъ здѣсь о томъ самомъ откровеніи, которое было дано ветхозавѣтному пророку, когда онъ, послѣ бури, землетрясенія и огня, въ которыхъ онъ тщетно искалъ Бога, узналъ духъ Божій въ вѣяніи тихаго вѣтра («хлада тонка», 3 Царствъ, 19, 11-13). Можно также сказать, что религіозная интуиція современнаго нѣмецкаго поэта воспринимаетъ и предъугадываетъ здѣсь то, чему училъ и практически осуществилъ на высшей ступени религіозной просвѣтленности св. Серафимъ Саровскій, какъ «стяжаніе даровъ Духа Святаго». Если въ первой стадіи религіознаго сознанія Рильке, Богъ былъ для него тьмой, тишиной, глубиной почвы, подземнымъ лономъ, объемлющимъ и питающимъ насъ, то теперь, въ его новомъ сознаніи ему открывается Богъ иначе, и въ иномъ: онъ чувствуетъ Его въ дуновеніяхъ воздуха, въ свѣтлыхъ даляхъ, въ звукахъ пѣнія, въ неосязаемыхъ ароматахъ, въ небесныхъ просторахъ — во всемъ лег-

комъ, свободномъ, витающемъ, неуловимомъ для грубаго чувства осязанія, — во всемъ, что невидимо разлито вокругъ насъ и своимъ животворнымъ бытіемъ просвѣтляетъ, озаряетъ, облегчаетъ тяжеловѣсную косность видимаго міра.

Какъ бы вступленіемъ или прелюдіей къ этому новому откровенію служатъ, какъ уже указано, «Дунайскія элегіи», въ которыхъ дана изумительная, несравненная по тонкости и глубинѣ прозрѣній, мистическая метафизика духовныхъ основъ бытія. Названіе «Элегіи» здѣсь вполне адекватно: эти тихія пѣсни — размышленія проникнуты скорбью, подлинно «міровою скорбью». Но это не есть озлобленная скорбь пессимизма, отчаяніе бунтующаго духа; это — скорбь просвѣтляющая и умиротворяющая. Въ послѣдней отрѣшенности, въ скорби передъ грубостью и несовершенствомъ бытія, передъ безсиліемъ человѣческаго духа, послѣдніе, глубочайшіе порывы котораго остаются неудовлетворенными и приводятъ къ томленію, робко скрывающемуся отъ видимаго міра — въ этой печали душа поэта какъ бы внезапно озаряется и узрѣваетъ въ самомъ бытіи ту тихую, свѣтлую, жертвенную глубину, которую она сознаетъ, какъ свое собственное существо. Трудно обозначить темы каждой изъ этихъ десяти элегій: каждая изъ нихъ говоритъ о многомъ, обо всемъ, и всѣ вмѣстѣ говорятъ только объ одномъ, объ «единомъ на потребу». Во всѣхъ выражена тоска по истинному свѣтлomu, тихому и полному бытію, безсиліе человѣческаго духа сполна раскрыть его и прочно въ немъ утвердиться, и вмѣстѣ съ тѣмъ умиляюще-радостное сознаніе его очевидности, его совпаденія съ послѣдней глубиной всего мірового бытія. Здѣсь поэтъ, говоря словами нашего русскаго религіознаго поэта, «прозрѣваетъ нетлѣнную порфиру подъ грубою корою вещества». Изумительно, какъ — опять внѣ всякой внѣшней связи съ рели-

гіозной традиціей — въ душѣ современнаго поэта, изъ нѣдръ его собственнаго духа, рождается, какъ итогъ всей жизненной его скорби и духовныхъ исканій, христіанское міросозерцаніе. Эта двойственность впечатлѣнія, которое производитъ міръ на душу, ищущую Бога, — это чувство міра, какъ слѣпого, темнаго и тяжкаго, «во злѣ лежащаго» бытія, котораго не приѣмлетъ и отъ котораго отталкивается душа, ибо она сама «не отъ міра сего», и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство міра, какъ творенія и откровенія Божія, міра, просвѣтленнаго «тихимъ свѣтомъ», который сіяетъ въ его глубинѣ и есть его подлинная, прозрѣваемая за внѣшной оболочкой сущность, — эта тихая, умиротворяющая и насыщающая душу міровая *радость*, которая открывается на днѣ скорбной чаши, испиваемой человѣческой душой, — эта вѣчная правда полнаго, истинно-христіанскаго міросознанія и міроосмысленія неподражаемо нѣжно и явственно звучитъ въ медленномъ ритмѣ «Дунайскихъ элегій», свѣтится въ утонченныхъ образахъ, улавливающихъ то, что почти неуловимо для человѣческаго слова.

Во множествѣ вариантовъ мыслей и чувствъ повторяется здѣсь этотъ единый мотивъ. Такъ, скорбь о смерти, о неизбѣжной разлукѣ съ любимыми, печаль одинокой души, которой не могутъ понять ни люди, ни ангелы, превращается въ душѣ поэта въ тихую радость, когда въ этой грустной сосредоточенности онъ вдругъ слышитъ голоса, — «не голосъ Божій, который нельзя было бы вынести, а нѣкое вѣяніе, непрерывную вѣсть, рождающуюся въ тиши, — голоса умершихъ. И хотя умершіе отрѣшены отъ насъ и заняты труднымъ дѣломъ — забывать земное и учиться вѣчности, но все же «живые совершаютъ всегда ту ошибку, что слишкомъ отчетливо различаютъ». Ибо Смерть и Жизнь не оторваны одна отъ другой, «вѣчный потокъ увлекаетъ за собой всѣ возрасты черезъ

оба царства», и единый голосъ мірового бытія звучитъ надъ обоими. И если мертвые, рано отшедшіе не нуждаются въ насъ, если они постепенно и легко отъучаются отъ земного, какъ ребенокъ отвыкаетъ отъ груди матери, то мы, которымъ нужны великія тайны, и которымъ изъ глубины печали рождается блаженство, — мы не можемъ обойтись безъ нихъ. Или поэтъ скорбитъ о постоянной порывистости человѣческаго духа, о неустанномъ стремленіи куда-то уходить, мѣнять настоящее на будущее, — стремленіи, въ силу котораго всякое расцвѣтаніе есть увяданіе и все, что мы творимъ, есть только поводъ къ реальности, а не сама реальность (какъ это ясно сознается на порогѣ смерти) — и утѣшается тайной ребенка, живущаго въ промежуткѣ между міромъ, и игрушкой» и въ глубинѣ своей игрушки чувствующаго вѣчно пребывающее, большее чѣмъ «только прошлое» и только будущее» — ребенка, безъ озлобленія и тревоги покоющагося въ тѣхъ глубинахъ бытія, въ которыхъ вмѣщается жизнь и смерть. Или, въ другомъ вариантѣ той же мысли, поэтъ ужасается мятежной страсти, неукротимой ярости человѣческой воли, которая скручиваетъ и выжимаетъ человѣка, какъ выжимаютъ мокрое бѣлье, — которая гонитъ человѣка съ мѣста на мѣсто, ибо онъ нигдѣ не можетъ подлинно совершать того, что хочетъ, — и поэту вдругъ предносится какое-то невѣдомое намъ мѣсто, гдѣ на цвѣтущемъ коврѣ жизни, великіе порывы вы сердца удаются, даруя ту безкорыстную радость, которую зрителямъ даютъ умѣлые прыжки гимнаста, и гдѣ эти порывы награждаются полновѣсной, вѣчно цѣнной монетой счастья. Или еще въ иномъ аспектѣ, поэтъ противопоставляетъ неустанному исканію, безпокойному ухаживанію за міромъ съ цѣлью овладѣть имъ, то истинное бытіе, которое есть внутри насъ и которое даже самое несчастное человѣческое существо когда-либо, хотя

бы на мигъ, въ себѣ ощущало, но о которомъ оно быстро забывало, такъ какъ «мы легко забываемъ о всемъ, чего не подтверждаетъ или чему не завидуетъ смѣющийся сосѣдъ». Въ другой элегіи поэтъ скорбитъ о странномъ извращеніи, въ силу котораго мы видимъ передъ собой только міръ и смерть, все узкое, стѣсняющее и затрудняющее насъ, но не видимъ открытаго, простора, безконечности, которою мы дышимъ и живемъ, не ища ея. Мы сосредоточены на томъ, что *противъ* насъ, что *внѣ* насъ, и только смутно вспоминаемъ о томъ, что *въ* насъ, какъ наше дыханіе. Мы вѣчно стараемся упорядочить внѣшнее, но оно вѣчно распадается и мы вмѣстѣ съ нимъ, и наша жизнь есть непрестанная разлука, тогда какъ наше истинное призваніе — свободно витать, не отрываясь отъ лона. Или поэтъ удручаетъ, что лучшія силы человѣческаго духа уходятъ на бесплодное, эгоистическое цвѣтеніе, а наше истинное назначеніе — несеніе сладостныхъ плодовъ — осуществляется запоздало и неохотно; но въ жертвенной волѣ героя, для котораго, какъ для невѣдующей цвѣтовъ смоковницы, плодоносящая смерть есть подлинный жизненный его расцвѣтъ, онъ видитъ преодолѣніе этой раздвоенности. — Смыслъ земной жизни поэтъ усматриваетъ не въ счастіи, даже не въ радости познанія, а въ томъ, что мы, раздѣляющіе съ земными вещами судьбу единойжды, на короткій мигъ быть *здѣсь*, должны повѣдать безплотнымъ существамъ тайну земного, превратить земное въ слово, въ звучащее, невидимое духовное бытіе, по которому тоскуетъ все земное. И элегія кончается гимномъ страданію, той тихой жалобой, которая, какъ древнѣйшій родъ бытія, звучитъ въ нѣдрахъ всего сущаго и которая учитъ насъ, привыкшихъ мечтать о возрастаніи счастія, послѣднему умиленію, охватывающему насъ при видѣ жертвенной гибели, — этого счастія, падающаго, какъ ниспадаетъ весенній дождь на темную землю...

Тотъ тихій свѣтъ, который какъ бы издалека, изъ едва прозрѣваемой глубины озаряетъ поэту тьму и облегчаетъ ему тягость бытія въ «Дунайскихъ элегіяхъ», — этотъ свѣтъ, заполняетъ все его существо и преобразуетъ для него міровое бытіе въ послѣднемъ, религіозно и поэтически самомъ зрѣломъ его твореніи, — въ «Сонетахъ къ Орфею». Торжественный, размѣренно-медленный ритмъ элегій смѣняется здѣсь легкимъ, какъ бы безплотно витающимъ, побѣдившимъ земную тяжесть, пѣвучимъ ритмомъ короткихъ строкъ сонета. Сонеты воспѣваютъ Орфея, великаго бога пѣсни, бога торжествующей пѣвучей радости и легкости, передъ всепобѣждающей мощью котораго оживаютъ камни и смиряются дикіе звѣри. Последняя, глубочайшая тайна бытія, его божественная первооснова, раскрывается поэту, какъ вѣчная радость, какъ безконечное, торжествующее, неслышно пронизывающее міръ сладостное пѣснопѣніе, какъ безконечная свобода и легкость, безмѣрный просторъ и свѣтъ. Въ одномъ изъ сонетовъ поэтъ самъ устанавливаетъ связь этого новаго откровенія съ тѣмъ, которое было имъ выражено въ «Stundenbuch». «Снизу — древній, туманный корень всего сотвореннаго — тайный источникъ, никѣмъ не узримый... Воина шлемъ и охотника рогъ, старцевъ реченья сѣдыхъ, брань и гнѣвъ людей, жены, какъ лютни... Вѣтвь за вѣтвью тѣснится, тщетно ищетъ свободы, выше и выше... Ложится все кругомъ, но наверху одна — въ лиру сложилась». Вся земная жизнь рождается изъ Бога и держится имъ, какъ своимъ темнымъ корнемъ. Это — Богъ, какъ Онъ открылся поэту въ юности. Но всѣ тревоженія, брани и тревоги мірового бытія имѣютъ своей послѣдней цѣлью явить въ своемъ предѣльномъ достиженіи, на послѣдней верхушкѣ древа жизни — лиру, символъ свободного пѣнія, новый ликъ Бога, какъ онъ теперь

явился поэту. Или, если въ первомъ откровеніи Богъ представлялся поэту темнымъ грузомъ, удерживающимъ человѣческой духъ, въ равновѣсіи и преодолюющимъ дерзновенное стремленіе человека къ призрачной свободѣ, къ шаткости своеволия, то теперь поэтъ сознаетъ, говоря словами апостола — что «Господь есть Духъ; гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода» (2 Коринѳ. 3, 17); въ преодолѣніи земной жизни съ ея тяжеловѣсностью и косностью, въ бытіи, какъ свободномъ вѣянніи и витаніи, онъ чувствуетъ уже не человѣческое своеволие, а Духъ Господень. Это преодолѣніе есть, прежде всего, побѣда надъ смертью, выходъ за предѣлы только земной жизни, которая скована и стѣснена смертью. Поэтъ воспѣваетъ ту послѣднюю свободу, которая возвысилась надъ смертью: «Лишь, кто лиру вздымалъ среди тѣней усопшихъ, можетъ, чая, воспѣть хвалу безконечную. Лишь, кто вкушалъ съ мертвецами, макъ съ ихъ полей, уберечь съумѣетъ и тишайшіе звуки. Пусть и шатко подчасъ въ водѣ отраженье, образъ пѣсни: лишь въ двойномъ этомъ царствѣ станетъ нашъ голосъ вѣчнымъ и нѣжнымъ». Смерть не должна быть для человѣческаго духа неожиданностью, разрушающей гармонію жизни; надо научиться духовно опережать разлуку, умирать съ Эвридикой и возвращаться назадъ съ торжествующей пѣснью, развѣ навсегда вкусить смерть и нести ее въ себѣ, какъ вѣчную основу дрожанія струнъ жизни. Всеобъемлющее существо Орфея выросло изъ двухъ царствъ, — онъ мастеръ надъ вѣтвями жизни, потому что вѣдаетъ ея корни; завораживающей силой своего нѣжнаго взора онъ вплетаетъ мертвыхъ въ образы жизни, не нарушая тѣмъ ихъ свѣтлой гармоніи. Его славословіе не умолкаетъ передъ смертью и скорбью, благословенный югъ его духа превращаетъ все въ сладкій виноградъ, въ крѣпкое вино.

Ибо путь къ послѣднему, истинному блаженству ведетъ черезъ скорбь и утраты. Даже земные плоды, которые мы вкушаемъ, рождаются изъ подземной тьмы, вскармливаются мертвецами, которые спятъ у ихъ корней и отъ своего избытка даруютъ намъ тайну питающаго плода, — эту помѣсь нѣмой силы и поцѣлуя». Весна, когда земля научается быть свободной и веселой, сіяетъ зеленью и синевою, есть награда за долгую суровую школу зимы; весна вольно и легко поетъ то, чему ее обучалъ ея строгій наставникъ, что запечатлѣно въ темныхъ корняхъ и длинныхъ тяжелыхъ стволахъ деревь. Такъ и для человѣческаго духа скорбь есть путь познанія, ведетъ въ царство славословія и законна только въ немъ; долгими началами она перечисляетъ древнее зло, пока вдругъ не научится *такъ* возносить созвѣздіе нашего голоса» въ небо, что небо не теряетъ отъ ея дыханія своей ясности. Жизнь есть вѣчная утрата, мы ежемгновенно расторгаемъ наши взоры въ пространство; но исчислить эти безконечныя потери можетъ лишь тотъ, кто, несмотря на нихъ, сумѣетъ въ хвалебномъ гимнѣ воспѣть сердце, живущее въ цѣломъ. И только потому, что враждебныя силы растерзали Орфея на части, онъ поетъ теперь въ насъ, и мы стали слухомъ и устами природы. Жизнь есть путь и борьба — вѣчная двойственность между гордымъ земнымъ конемъ и всадникомъ, который его обуздываетъ, стремленіе и противодѣйствіе, сообща ведущія къ новымъ дальямъ; и хотя конь и всадникъ не вѣдаютъ о своемъ согласіи, они оба все же суть единое. Нѣжныя, блаженныя, здравыя души, хранящія въ себѣ истинныя зачатки сердца, не должны бояться бремени жизни. «Тяжки горы, и тяжки моря; и даже деревья, взрощенные слишкомъ тяжки — ихъ трудно нести». Но есть и воздушные просторы!... И вѣчностью сіяетъ улыбка сквозь слезы».

Таковъ путь, ведущій человѣческой духъ къ истинному бытію, которое поэтъ отнынѣ видитъ въ широкихъ просторахъ, необозримыхъ даляхъ и глубинахъ, не только окружающихъ насъ извнѣ, но вѣющихъ въ насъ самихъ и дарующихъ намъ послѣднюю легкость и свободу. Что значать всѣ дали между звѣздами по сравненію съ далью, которую можно узрѣть здѣсь, на землѣ, вглядываясь въ безконечность души ребенка, въ удаленность отъ насъ ближняго, въ глубины, отдѣляющія дѣвичью душу отъ мужской! Всюду просторъ, и нигдѣ не смыкается кругъ». Когда мы мечтаемъ уловить противоборствующую намъ реальность, она уходитъ отъ насъ; но это ускользящее и есть болѣе всего наше достояніе. Мы свободны, мы отпущены на волю тамъ, гдѣ мы мнимъ найти послѣднюю встрѣчу, гдѣ мы робко ищемъ опоры. Ибо послѣдняя основа нашего духа есть воля, «сладость зрѣющей опасности». Образомъ «Орфея», этого животворнаго начала духа, поэту представляется русская степная лошадь, ночью, среди степи, скачущая съ спутанными ногами, и всѣ своимъ существомъ, въ своей кипящей крови, чующая дали.

Все въ мірѣ «хочетъ витать», лишь мы, люди, ходимъ вокругъ, отяжеляя вещи, давя ихъ своей косносю; мы, какъ педанты-учителя, мучаемъ вещи, которымъ удается «вѣчное дѣтство». Если бы мы умѣли вобратъ вещи въ нашъ сонъ, пережить во снѣ ихъ истинное существо, какими легкими проснулись бы мы изъ этой общей глубины! Неужели мы должны отвергнуть нашу древнюю дружбу съ великими благами только потому, что мы не можемъ найти ихъ на нашихъ картахъ и что ихъ не вѣдаетъ созданная нами твердая сталь? Огни, возжигавшіеся прежде богамъ, горятъ теперь лишь въ паровыхъ котлахъ, мы отъединили себя сами отъ божественнаго, и потому наши силы убываютъ съ каждымъ часомъ. Но, если нынѣ машина повсюду

угрожаетъ жизни, которая коченѣетъ отъ прямолинейной точности механическаго дѣйствія, замѣняющаго собой прекрасное колебаніе творческой руки, то все же бытіе еще остается волшебнымъ; во множествѣ мѣстъ оно еще изначально, есть игра чистыхъ силъ, прикоснуться къ которымъ можетъ лишь тотъ, кто въ восхищеніи преклоняетъ колѣна; изъ несказаннаго попрежнему рождаются нѣжныя слова, и изъ дрожащихъ камней вѣчно заново звучитъ музыка, строящая свой божественный домъ въ просторѣ, чуждомъ земнымъ цѣлямъ. Наша истинная цѣль — слиться съ далью, съ небеснымъ просторомъ, вобрать его въ себя, отождествиться съ нимъ; и, взирая на гордые полеты аэроплановъ, поэтъ мечтаетъ: «Лишь когда полетъ аэроплановъ для себя самого вознесется въ небесную тишь, довольный собою, чтобы въ профиляхъ легкихъ, какъ орудье умѣлое, быть любимцемъ вѣтровъ, зыблясь вѣрно и стройно, — лишь когда чистая цѣль побѣдитъ аппаратовъ дѣтскую дерзость, — упоенный успѣхомъ летчикъ, къ дали приблизившись, *станетъ* достигнутой далью». Изъ этой дали, отъ чистаго простора неба къ намъ нисходитъ все, чѣмъ мы живемъ: подобно тому, какъ антенны черезъ пустыя дали соприкасаются между собой, наша жизнь творится невидимой гармоніей, исполнена музыкой тайныхъ силъ; и если мы, какъ крестьянинъ, полны заботъ и тяжкаго труда, то, подобно ему, мы никогда не достигаемъ той глубины, въ которой лѣтомъ посѣвъ испытываетъ свое животворное преображеніе; все, чѣмъ мы живы, есть чистый даръ. Мы считаемъ себя могучими, мы сильнѣе и прочнѣе полевого цвѣтка, но когда и гдѣ удастся намъ *такъ* открыться, быть столь чистымъ воспріемникомъ благодатныхъ силъ, какимъ умѣетъ быть цвѣтокъ, когда онъ съ утренней зарей раскрываетъ свое лоно, чтобы впитать въ себя многоголосный свѣтъ чистыхъ небесъ?

Символомъ жизни является для поэта дыханіе, эта «невидимая поэма». Въ дыханіи мы неустанно отдаемъ наше собственное бытіе, чтобы въ обмѣнъ на него получать весь міровой просторъ. Въ дыханіи мы постепенно становимся какъ бы океаномъ, объемлющимъ весь міръ; сколь многія мѣста пространства уже были въ насъ! Вѣтры, въ нихъ вѣящіе, вышли изъ нашихъ нѣдръ, и воздухъ, заполняющій міръ, быть можетъ, хранитъ воспоминаніе о томъ, какъ онъ звучалъ въ нашихъ словахъ. Въ этой небесной гармоніи, въ этомъ великомъ невидимомъ общеніи, въ этой таинственной нашей связи съ благодатными силами и пронизанности ими, божественная тайна бытія раскрывается намъ, какъ вѣчная пѣснь, звучащая надъ землею. «Надъ перемѣной, движеніемъ — шире, вольнѣе, — длится древнѣйшая пѣснь, лиръ божественный звукъ. Все есть тайна для насъ, и любовь, и страданье, и смертной разлуки тьма; но торжествуя, все освящаетъ пѣснь надъ землею». Та же небесная гармонія, та же несказанная радость и сладость бытія чувствуется нами здѣсь, на землѣ, въ ароматахъ, въ благоуханномъ вкусѣ плода, тающаго во рту. Это можно прочесть на лицѣ ребенка, вкушающаго плодъ; тогда свершается нѣчто безымянное, пришедшее издалека — вмѣсто словъ, во рту текутъ дары. Посмѣйте сказать, что есть то, что вызовете яблокомъ... О безмѣрный опытъ, радость вкушенія!» Другой ликъ этой радости есть истинная благодать. Поэтъ предостерегаетъ отъ того, чтобы смѣшивать земную гуманность, смягченіе нравовъ въ нашей нынѣшней культурѣ, съ истинной благодатью, которая вступаетъ только «въ чистое, высокое, широко раскрытое, какъ врата, сердце», могучая и сіяюще-свѣтлая, какъ подобаешь божествамъ», и которая молча завладѣваетъ нашимъ внутреннимъ существомъ, какъ «тихо играющее дитя». Изъ опыта этой радости и благодати

рождается вѣра въ рай, доступный человѣческому сердцу. «Воспой , мое сердце, сады, которыхъ ты не знаешь... воды и розы Испагана и Шираза... воспой ихъ блаженство, восхвалихъ несравненную красу. Покажи , мое сердце, что ты никогда не лишено ихъ, что для тебя зрѣютъ ихъ сладкіе плоды, что тебя обвѣваетъ благоуханіе, исходящее изъ ихъ цвѣтущихъ вѣтвей. Избѣгай заблужденія, будто рѣшенность истинно *быть* искупается лишеніями. Ты — шелковая нить, вплетенная въ ткань. Съ какимъ бы образомъ жизни ни соединилось твое существо — хотя бы то былъ и мигъ страданія — чувствуй, что ты живешь въ этомъ цѣлостномъ коврѣ». И въ другомъ сонетѣ поэтъ говоритъ о «драгоценныхъ, чужеродныхъ плодахъ утѣшенія», которые мы всеожиданно находимъ «на растоптанномъ лугу нашей бѣдности», — огромныхъ, нѣжныхъ, сочныхъ плодахъ, нетронутыхъ ни легкомысліемъ птицъ, ни завистью червя; эти плоды приходятъ къ намъ изъ нѣкихъ «блаженно-орошаемыхъ садовъ», съ деревьевъ, окруженныхъ ангелами и таинственно-взрожденныхъ скрытыми тихими садовниками; и вся наша жизнь — жизнь тѣней и призраковъ, — съ ея торопливостью, съ ея безвременнымъ созрѣваніемъ и увяданіемъ, не въ силахъ нарушить гармоничнаго покоя блаженнаго, нездѣшняго лѣта этихъ садовъ.

Духовное преображеніе, даруемое этими «плодами утѣшенія», преодолеваетъ въ насъ противоположность, раздоръ между временемъ и вѣчностью. Если прежде, въ отрѣшенной мистикѣ «Stundenbuch» время было для Рильке «болью Бога», царствомъ Люифера, и онъ умѣлъ только уходить отъ него въ темную тишину вѣчности, то теперь онъ чувствуетъ вѣчную жизнь въ самомъ временномъ бытіи. «Существуетъ ли дѣйствительно разрушающее время? Можетъ ли деміургъ насилловать сердце, безконечно принадлежащее бо-

гамъ? Неужели мы столь хрупки, какъ это намъ хотеть внушить судьба? Развѣ глубокое, многообѣщающее дѣтство позднѣе смолкаетъ въ нашихъ корняхъ? Нѣтъ, призракъ преходящаго, какъ дымъ, проходитъ сквозь невинное, воспріемлющее сердце. Во всей нашей влекущейся впередъ природѣ, мы являемся все же божественнымъ обнаруженіемъ вѣчныхъ силъ». Тайна духовной жизни есть тайна единства, покоя и движенія. И потому: «тихой землѣ скажи: я теку; быстрой водѣ говори: я есмь».

Мы старались почти неизмѣненными словами Рильке передать отвлеченно почти невыразимое, по своей тонкости и глубинѣ, религіозное содержаніе «Сонетовъ къ Орфею». Эта послѣдняя умиротворенность, эта райская радость, это благодное пріятіе міра черезъ прозрѣніе его невидимой небесной красоты врядъ ли имѣетъ себѣ аналогію во всей свѣтской литературѣ XIX вѣка. Здѣсь въ Рильке воскресаетъ духъ Франциска Ассизскаго и Серафима Саровскаго. И еще разъ поражаешься странной загадкѣ современной европейской духовной культуры, когда видишь, что такой духъ, какъ Рильке, не осозналъ истиннаго источника своего вдохновеннаго мистическаго озаренія и долженъ былъ рядить въ чуждые или, во всякомъ случаѣ, неадекватные образы античной мифологіи тѣ благодатные духовные дары, которые онъ, невѣдомо для себя, воспринялъ изъ христіанскаго откровенія. Любовь къ міру, рождающаяся изъ преодоленія міра, безграничное, радостное общеніе со всѣмъ сущимъ, вырастающее изъ тихой отрѣшенности духа, райское блаженство, обрѣтаемое черезъ скорбь, дѣтская легкость и свобода, какъ послѣднее достиженіе религіозной умудренности, прозрѣніе, въ нѣдрахъ темнаго бытія, вездѣсущаго и всепроникающаго божественнаго свѣта, — все это не что иное, какъ то стяженіе даровъ Духа Свя-

таго, о которомъ, какъ о послѣдней цѣли религиозной жизни, говоритъ Св. Серафимъ Саровскій. Исконная мистическая одаренность германской души, въ силу которой она въ западной культурѣ есть какъ бы избранная хранительница откровенія, вновь ожила и съ изумительной покоряющей силой заговорила въ наши дни безвѣрія, въ нашемъ современникѣ, который самъ уже потерялъ осмысленную связь съ древними истоками вѣры. И съ благоговѣйной радостью мы ощущаемъ сверхвременно-вѣчную силу оокровенія, утѣшаемся дѣйствіемъ Духа, который «дышетъ, гдѣ хочетъ и голосъ его слышишь, и не знаешь, откуда приходитъ и куда уходитъ». (Ев. Іоанна. 3, 8).

С. Ф р а н к ъ.